

Хлеборобы войны

Елена Георгиевна Некипелова:

– Родители мои в первый год вступили в колхоз. Было это в 1929 году. А я ещё до войны стала ударницей. Как-то газету мне старую принесли, «Ленинский путь» за 1940 год. Там про меня написано, что «колхозница колхоза имени Ворошилова Семенникова Елена на вязке снопов выполняет норму на 182 процента. За что она занесена на районную Доску почёта». Я 850-900 снопов навязывала, 80-90 суслонов ставила. На совещание передовиков не раз вместе с другими посылали. Вспомнишь деда Евлампия, он всё ворчал: «Что добрых людей от работы отрывать! Надо, кто не работает, того посылать. Он что там, что тут – всё одно день просидит...».

До войны хорошо люди зажили. Не очень богато, но радостно и весело. Радио к нам пришло. Мы, подростки из Куналея, ямы копали под столбы, а навстречу нам из Кукуна шли. Там в 1930 году я и встретилась в первый раз с моим будущим мужем, с которым вот уже сорок лет живём. Я тогда совсем девчонкой была. Его на фронт взяли, вернулся он израненный.

Первая пахота у меня была в сорок первом году. Работала на газогенераторном тракторе. Он дровами топился. Чурочек маленьких, со спичечный коробок, наколешь и в бункер их засыпаешь. Кололи-то другие, в том числе и ребяташки, а засыпали мы сами. Спички всегда с собой. Без коробка. Не было тогда коробков, а давали черкалку.

Самое трудное было то, что всё делали вручную. Что сломается – деталь в мешок, на спину и в МТС. Там клепаешь, паяешь. Баночку с бензином при себе носили, чтоб зарядники заливать. А коллектор просто факелом прогревали. Всё верно подружки мои сказали, добавлю – в борозде засыпали. Но молодые были, поспишь часов пять и опять как новенький пятак.

Правда, помню, как-то раз нас повезли в Улан-Удэ на совещание прямо с поля. На полutorке. Приехали в город, сразу в театр, там народу полно, речи говорят. А мы сидим, спим. Андрей Тимофеевич Павлов – он нас сопровождал – толкает в бок: «Девки, а девки, ну, не спите вы, слушайте, про вас там говорят». Мы же нет-нет да и опять клюнем.

Иногда бессонной ночью думаешь: было всё это или только приснилось? И с тобой ли это было? Мы себя не приукрашиваем. Многого по сравнению с мужчинами не умели. Но брались за всё и делали, как могли. Зато жили дружно и весело. Ведь все, кто тут сидит, да и другие, незамужние были. Марфа Паргачевская так замуж и не вышла. И детей ни у неё, ни у Валентины Семенниковой нет. А покрасоваться и нам хотелось. В клуб не ходили – не в чем. И кавалеров-ровней не было. Так мы редкими свободными вечерами на углу собирались. На брёвнах. Каких только песен не пели! И сколько гармошек «тулок» в ту пору было! Подобрала война наших гармонистов. Вася Малков, семнадцатого года рождения, погиб, Ануша Некипелов погиб. Остались гармонисты тринадцати лет. Так мы парами, друг с дружкой, танцевали. Или «восьмёрку», «голубца» – русскую пляску босиком отплясывали. Велико ли время – обеденный перерыв, а глядишь: балалайка появилась и частушки посыпались:

Я на тракторе работаю –

Милёнок на войне.

Он наказывал, прощаясь,

Чтоб работала вдвойне.

Марфа Ивановна Паргачевская:

– В колхозе проработала 41 год, до того времени, когда проводили меня на пенсию. Вся семья: отец (он прошёл три войны – германскую, гражданскую и Отечественную), братья, сестра – все в колхозе с самого начала. Колхозная жизнь – от первых споров о коммуне и до сегодняшнего благополучия – перед моими глазами.

Первой наградой была поездка в Москву в 1939 году. Я работала свиначкой. Работать умела, на солнце не заглядывала, когда день кончится, и показатели были хорошие. В составе делегации от Бичурского района поехали мы, 16 мужчин и я, девятнадцатилетняя, на Всесоюзную сельхозвыставку. А я до того дальше Бичуры нигде не была. Переживаю. 8 сентября прибыли в Москву. Поселили нас в Александровском городке. А назавтра осматривали выставку. В павильоне «Свиноводство» узнала много нового, познакомилась со знатными свиноводами. И вдруг смотрю: мама родная! Я на карточке! Сфотографирована со свиньей. Холщовая юбка выше колен, чирки подшитые, волосья ветром снесло вперёд. Ну, думаю, что ж ты меня тогда, фотограф, не предупредил! Я бы хоть прибралась. Хотя, по правде сказать, прибрататься было не во что. В Москву в далембовой юбке ездила. И опять же в чирках.

А наутро приглашают меня в Кремль, к Калинин. Открыли дверь. Кабинетик маленький, дорожкой застеленный, как сейчас вижу. Навстречу сам Михаил Иванович. Я думала, он большой, а он росточком вот такой и бородка клинышком. Стою перед ним, верзила, не знаю, куда руки девать. А он ласково так поздоровался, руку пожал. Указ зачитал и награду мне вручает - орден «Знак Почёта». Вышла я оттуда счастливая и ошеломлённая. На груди орден, а в руках подарок – 5 метров товару и 500 рублей.

Ну, а вскорости война. перевели меня на комбайнёра. 25 августа поехала в Селенгинскую МТС учиться. Прослушала курс 15 дней, 20 сентября приняла прицепной «Коммунар», а 22-го убирала хлеб. 15 лет проработала на комбайнах всех марок.

Что о военных годах добавить? Работали не на страх, а на совесть. После войны не оставила комбайн. В 1954 году за хорошее комбайнёрство снова была участником ВДНХ. Занималась я и общественной работой. 8 лет, с 1939 по 1947, была депутатом сельского Совета и аймсовета. Что такое депутат в войну? Везде, где трудно, ты первый. Заём подписывать на эскадрильи, на танковую колонну, в первую очередь, – активисты, коммунисты, депутаты. Родители не успевали табак рубить: продадут его в Петровском и вкладываешь заём. Была председателем конфликтной комиссии, а также комиссии помощи остро нуждающимся. Люди из последнего помогали друг другу. Ходишь вечером, ночью из дома в дом, кто что подпишет. Нужда была во всём. Вот и подписывали: кто картошки ведро даст, капусты, редьки. А кто – мануфактуру: платёжничко, полотенце там или соколку (майку - **Н.К.**). Ждали нас многодетные семьи, вдовы, одинокие старики, у кого кормильца на войне убило. Отчитывались строго за всё, что народ друг другу давал. Все заседания ночью проходили. Иной раз до третьих петухов. Прямо с сессии и в поле. Говорят иногда: не хлебом единым жив человек. Наверное, правильно. Только я по-другому понимаю. Мы, все, кто войну пережил, на фронте ли, в тылу ли, мы едины хлебом.

С Анфеей Эповой кусочком вот таким делились и помогали друг дружке. Где я одна недоумею, она посоветует. Где она недоумет, а я-то на что! Духом не падали.

Да, я живу одна, но я не одинокая. Вот вы видели моего племянника Колю. Он институт закончил, инженером по цветным металлам работает. У меня он рос. Теперь в гости приехал из Братска с семьёй. Счастливая я. И потому, что работой не тяготилась – в радость она мне была. И потому, что племянников вырастила. И подруг у меня много, и в школу часто приглашают. Интересуются дети, как мы жили. А жили мы, выходит, не зря. Не зря...

...Я стою у портретной галереи женщин-механизаторов военной поры и сожалею: не видно на этих фотографиях их рук. Натруженных, разбитых работой, но прекрасных

**и неутомимых, согревающих и сегодня своим теплом не один только семейный очаг.
Своё село. Свою страну.**

P.S. Ни одной из моих давних собеседниц нет в живых, но и сегодня, спустя 20 с лишним лет, я слышу их голоса...

**Нелли Коробенкова,
наш внешт. корр.**